

ЛЕВ АННИНСКИЙ:

Я СЫН ДВУХ БРОДЯЧИХ НАРОДОВ

Не то удивительно, что Лев Александрович Аннинский почти не пишет сегодня литературно-критических статей. А то удивительно, что он писал их первые сорок лет своей карьеры – потому что в Советском Союзе не было нормальной политологии, философии и даже истории, а вместо всего этого была литературная критика. Поскольку Аннинский напрямую наследует мыслителям русского Серебряного века – пусть и с неизбежной поправкой на масштаб, но тут уж он не виноват, время такое, – для него естественней всего было бы с самого начала говорить о том, о чем он говорит сейчас. То есть о геополитике, о национальном вопросе, о русском прошлом и будущем, – обо всем, что составляло предмет размышлений его веховских и сменовеховских предшественников. Но время, повторяю, было такое, что писал он о Белове и Распутине, Толстом и Фете, Василе Быкове и Григории Бакланове. И была это не литературная критика, но живой дневник его души. По его книгам «Охота на льва (Лев Толстой и кинематограф)»

и «Лесковское ожерелье» учился писать не я один. Целое поколение обязано Аннинскому – своим субъективизмом и темпераментом, азартом и полемизмом он заражал, заряжал и звал к спору. Когда я читал его в «Литгазете», мне хотелось быть критиком. И не только. Мне хотелось так же свободно и честно, как он, домогаясь не правоты, а правды, говорить обо всем на свете. В методе Аннинского заложена изначальная враждебность ко всему окончательному. Это именно метод, а не учение. Нельзя суммировать выводы, к которым он пришел, но можно обозначить круг проблем, его волновавших. Главная из этих проблем – русское в его бесчисленных отражениях: русское и Запад, русское и евреи, русское и атакующий ислам... Существоем ли мы как нация? В чем наше назначение? Возможно ли еще наше единство? О чем бы ни писал Аннинский – а писал он об армянах и эстонцах, украинцах и грузинах, – все об этом. Плюс, конечно, блестящая точность анализа, внимание к каждой интонации текста, умение сделать автору

такой психоанализ, что любой психиатр отдыхает. Как вы понимаете, я все это не просто так излагаю. У меня неоднократно были случаи и поводы высказать это Аннинскому лично, поскольку он никогда не отказывал мне – и сотням своих благодарных учеников – в консультациях и советах, и просто в динамичном, неизменно бодром общении. Но сейчас у нас еще и повод – Аннинскому семьдесят, во что никак не можешь поверить, когда смотришь на этот кусок ртути. Подвижный, быстрый, весь кипящий, каждую секунду сам себя опровергающий, – он и это-то юбилейное интервью давал между двумя лекциями, только что издав дополненную книгу «Русские плюс» и задумывая две других, куда-то собираясь уезжать и не зная, как выкроить время на очередное предисловие к очередному чьему-то избранному. Как сказал он когда-то – не сказал, бросил на бегу в ответ на робкое «Как вы все это успеваете?» – Мне является – я пишу. Перестану писать – перестанет являться.

– Вы планируете как-то отмечать юбилей?

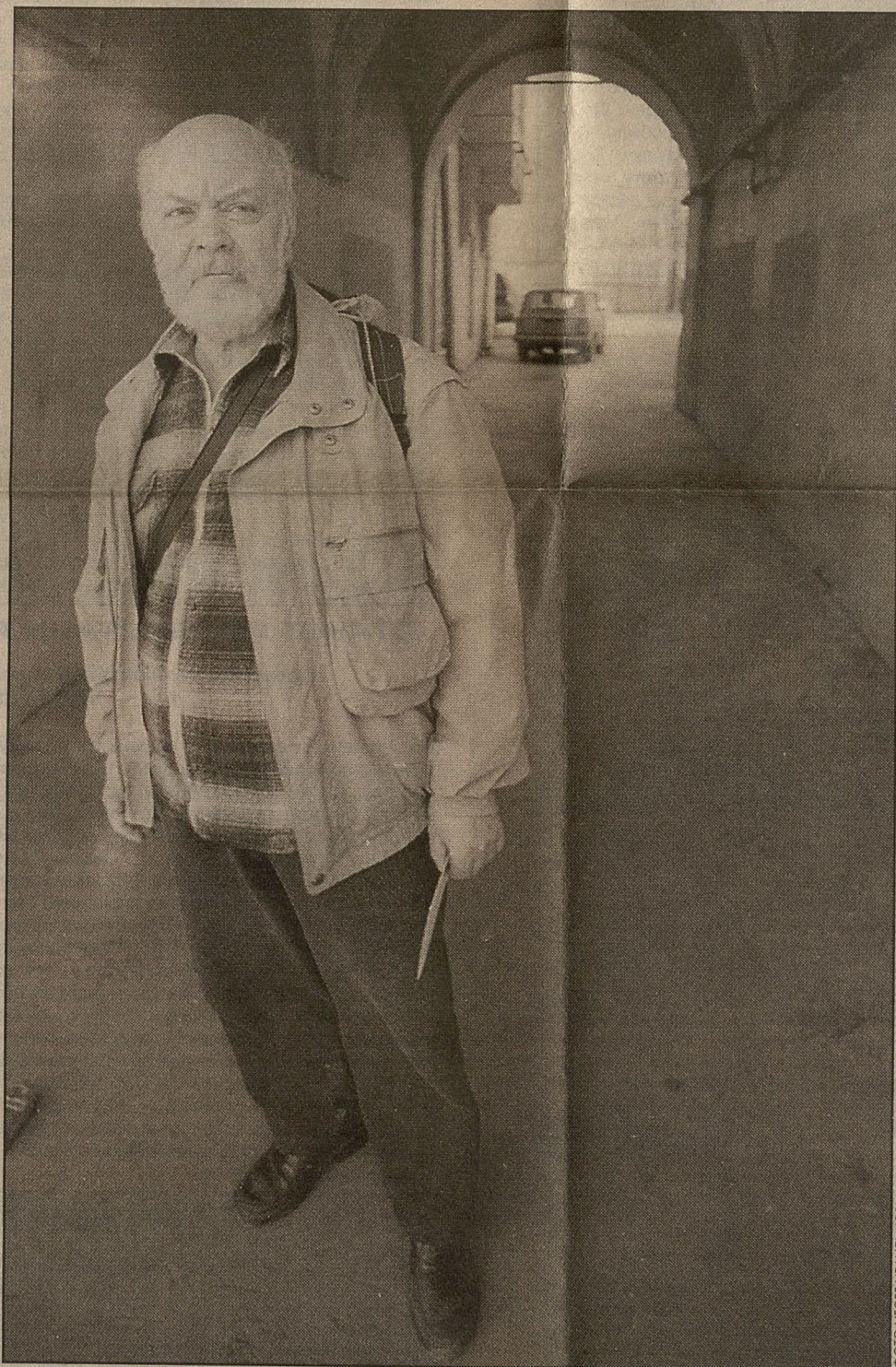
– Я бы не хотел. Семья все равно что-то устроит, а вне семьи – нет. Зачем? Поздравят – спасибо, а напоминаний о возрасте я терпеть не могу.

– Каким образом вы сохраняете такую форму? Наблюдают вас двадцать лет и перемен не вижу.

– Ну, формально отвечая – я морж, плаваю в проруби, засим у меня первый разряд по туризму, засим – в университете я по филологическим соображениям фехтовал. По филологическим – потому что во всей романтической литературе фехтуют, я любил читать такую прозу и с отрочества мечтал хоть чему-то выучиться – со шлагой, с рапирой... Но на самом деле рецепт один – еще Репин Чуковскому говорил: ради Бога, никому не признавайтесь, что мы наслаждаемся нашим делом. Ведь нам не простят! Всем говорите, что это каторжный труд, что мы, художники, от усталости кисть держать не можем и к руке ее привязываем, вот какая мука это творчество! И только мы знаем, что никакая это не мука, а источник вечной радости и юности. Прикосновение к вечным, вневременным вещам, озабоченность тайнами мироустройства, а не бытом, постоянные споры с собой – вот тебе и залог толку.

– Вы сами думали о том, кому наследуете? Чью линию продолжаете?

– В университете я был советским. Отец, уходя на фронт, откуда он не вернулся, – завещал матери вырастить меня коммунистом, что и было исполнено. Потом стал антисоветским и много читал Шестова и Розанова, которых и считал двумя главными заочными учителями. От Розанова – фрагментарность, субъективность, круг его проблем. От Шестова – навыв работы с чужим текстом: как он виртуозно его интерпретировал! Розанов неся сквозь чужие сочинения, как метеор, – выхватывая то, что его интересовало,

«Не думаю, что сейчас есть современная литература. Есть искры, копящееся грозное напряжение. Но в литературу это отольется не раньше как лет через десять»

ло, и зачастую весьма произвольно интерпретируя. Шестов препарировал ткань текстов Толстого и Достоевского с микрохирургической точностью. После советского и антисоветского периода наступил синтетический, когда я понял вдруг, что западники и славянофилы – в сущности, одно и то же, что противопоставление это ложное. Наши славянофилы – взяли хоть Киреевского – были

блестящими европейцами, а западники – кондовыми почвенниками. Славянофилы отличались только тем, что понимали, сколь далеко до Европы. Был у меня и период наивного антисталинизма, из которого я вышел благодаря Надежде Яковлевне Мандельштам. Она была в гостях у Панченко, я был приглашен «на нее», разговор зашел о Сталине, я страшно его ругал, – она меня прервала: «Дело не в Сталине, а в нас». С тех пор я и занимаюсь главным образом этими самими нами, а не Сталиным.

– Но она же говорила: спрашивать надо не с тех, кто ломался, а с тех, кто ломал...

– Да ведь это одна субстанция. Общество было построено так, что ломались и ломали одни и те же люди, – в этом весь ужас. Исторически они часто менялись ролями. Я не реабилитирую Сталина, смешно мне тут оправдываться. Сталин был чрезвычайно неприятный человек. А Николай II – чрезвычайно приятный. Приятный Николай проиграл все, что только можно проиграть, а со Сталиным мы консолидировали страну и выиграли войну. Это факт, от которого не уйдешь. Факт трагический. Но без этой консолидации мы и сейчас выйдем, и если ее не произойдет – понадобятся новые неприятные люди, надо отдавать себе в этом полный отчет.

– Сейчас-то откуда исходит эта опасность?

– Сейчас мы одной ногой уже застряли в чеченском капкане, и нам из него так просто не вылезти. Мы уже противостоям нашествию с Юга. Наивно думать, что у терроризма одно конкретное лицо – лицо Бен Ладена или кого там еще. Этих организаций бесчисленное множество, зачастую они между собой не связаны. Европа уже противостоит этому нашествию, откуда не деться и нам. И если Россия начнет сжиматься до границ Московской области – откуда не денемся, объединимся. Русские – не нация, а сверхнация. Это католический народ, объединяющий и тунгуса, и дру-

га степей калмыка, и казака, и еврея.

– И на каких же ценностях, любопытно узнать, консолидируется этот народ? Что-то я пока у него общих ценностей не наблюдаю...

– А ценности изначально не постулируются. Они возникают, когда припрет. Когда надо будет защищать дом и землю. Вот тогда нам и напомнят, что мы едины.

– А как в вас, интересно, совмещаются русский и еврей?

– Не просто русский и еврей, а еврей с казаком. Да отлично сочетаются – я сын двух бродячих народов. Причем казачья моя родословная прослеживается дальше, чем еврейская, – три века развития рода описал мой дед, станичный учитель, и рукопись его я включил в автобиографический двухтомник, изданный мною лично тиражом в пятьдесят экземпляров. Там я записал все, что мать и тетки помнили об отце, – написал себе отца. Отец – казак, мать – еврейка, обе эти крови во мне отчетливы, еврей и казак существуют в непрерывном остром диалоге. Смею думать, что каждому со стороны видней пороки и достоинства другого. Русским и евреям давно делить нечего, как и западникам со славянофилами. Двадцать первый век – век противостояний этических, а не этнических.

– Но нельзя же сказать, что вы вообще не интересуетесь современной литературой?

– Я читаю все время. Но не думаю, что сейчас есть современная литература. Есть искры, копящееся грозное напряжение. Но в литературу это отольется не раньше как лет через десять, да и то еще – все зависит от того, как пойдет история...

– Но есть Пелевин...

– Мне заказали как-то статью о Пелевине, Ерофее и Сорокине. Я до этого отвечал на одну анкету и отозвался о них бегло, поверхностно, толком не читая – так, знал у каждого по одному-два сочинения. Ради анкеты не стоило углубляться, но ради статьи я

«РУССКИМ И ЕВРЕЯМ ДАВНО ДЕЛИТЬ НЕЧЕГО»

честно прочел у каждого по тому избранного. Выяснилось, что каждый автор работает с определенной субстанцией и полагает, что весь мир из нее сделан. Помнишь, у Набокова в «Даре», в пародии на символистскую драму: все есть огонь, все есть вода, все есть судьба... Проза Ерофеева, если можно так выразиться, сперматоцентрична: все есть сперма. Проза Сорокина, заикленного на еде и определенных отправлениях, сводится к тому, что мир состоит из еды и дерьма. Проза Пелевина — наиболее из них талантливого — сводится к тому, что все есть кокаин (или, если угодно, мозг под действием кокаина: герои построены не из плоти и крови, а из мозгового вещества). Если эти авторы обижаются на то, что «Идущие вместе» их преследуют, — мне это странно: они шутят с читателем ничуть не менее жестоко, чем «Идущие» — с ними. И Ерофеев, и Сорокин, и даже Пелевин (чья «Жизнь насекомых» все-таки очень хороша) с читателем не особенно церемонятся и к людям относятся без большой любви. Эта литература бывает вполне профессиональной и даже талантливой, но с реальностью сегодня работает не она.

— **А кто же?**

— В первую очередь Маринина, умная и трезво себя оценивающая женщина, аналитик с огромным запасом знаний и фактов. То, о чем она пишет, — реально; то, как она пишет, — особый разговор, и она сама однажды прекрасно сказала какому-то подколовшему ее журналисту: «Я вам не Достоевский». Моральный посыл в ее книгах искать, может быть, и не стоит, — но реальность она чувствует и знает. Второй автор, работающий с реальностью, — Донцова: я был у нее в радиоэфире и знаю, что она не имеет ничего общего с той ужасной теткой, которую изображают на ее книгах с каким-то мопсом. Она умная, интеллигентная женщина, отлично обыгрывающая ту реальность, в которой живет девять десятых населения страны. Наконец, Акунин: он, правда, все делает опосредованно. Он имеет

дело с современным интеллигентским сознанием, а интеллигенция наша жила так, что у нее все время что-то отнимали. Уют. Круг чтения. Род занятий. Статус. Акунин все это возвращает — он создает нормальный продукт для интеллигентского чтения. Не претендуя ни на что большее. Это работа со штампами нашего с тобой сознания, — а значит, тоже с реальностью, ибо все есть реальность, по Протагору.

— **Неужели вам Донцова интереснее Пелевина?**

— Я не говорю, что она сильнее как писатель. Я говорю, что она менее высокомерна, и в ее прозе — как и в прозе Марининой, и вообще в так называемой трэш-культуре, — больше крупиц реальности, по которым будут судить об эпохе. А с точки зрения литературного качества — меня никогда оно всерьез не интересовало. Меня интересует состояние художника.

— **Какая половина вашей жизни была интереснее?**

— Ну, я надеюсь, что будет еще и третья...

— **Не сомневаюсь. И знаю, что вас еще заведет во многие бездны...**

— Ибо важен не результат, а процесс. Тем не менее, если сравнивать мои первые и вторые тридцать пять лет, — вторые бесконечно интереснее. И не только потому, что больше стало можно, — я никогда себя ни в чем особенно не стеснял, — а потому, что я больше увидел. То, о чем можно было догадываться, стало сбываться. Я многое предполагал, но из своего времени не выпрыгнешь. А нам всем было дано выпрыгнуть из времени — мы увидели «далеко во все концы света». Увидели великие ломки, крушения прежних рамок и старых парадигм. Получили шанс увидеть жизнь не сквозь призму партийных или литературных пристрастий, а как она есть, во всей грубой непредсказуемости и божественном многообразии. И думаю, что в ближайшие тридцать пять лет нам скучнее не будет.

— **Если вы продолжите писать — это точно.**

Встречался
Дмитрий БЫКОВ

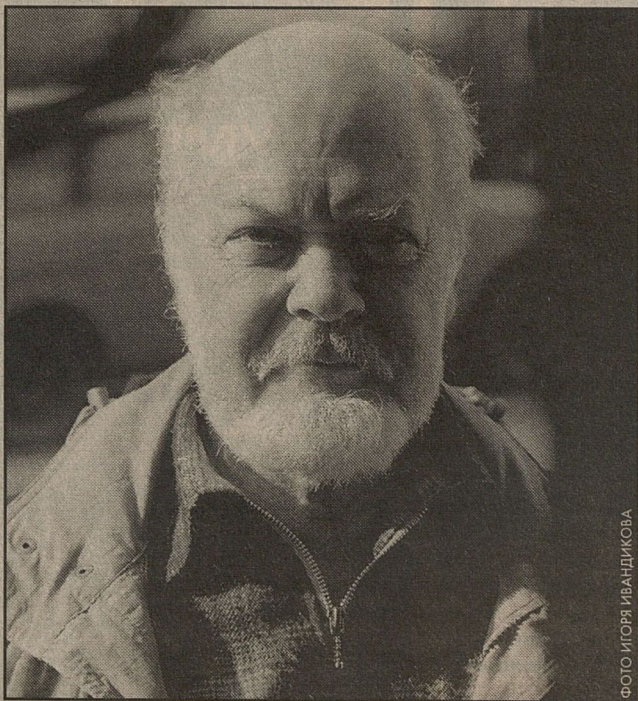

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА